

АРГОН

В воздухе, которым мы дышим, есть так называемые инертные газы. Их греческие научные названия звучат в переводе не совсем обычно: «новый», «скрытый», «бесполезный», «чужой». Они и в самом деле настолько инертны, настолько довольны условиями своего существования, что не участвуют ни в каких химических реакциях, не соединяются с другими элементами; это позволяло им на протяжении многих веков оставаться незамеченными. Лишь в тысяча девятьсот шестьдесят втором году одному терпеливому химику после долгих хитроумных опытов удалось заставить ксенон (чужой) образовать устойчивое соединение с жадным и живучим фтором. Значение этого события оказалось так велико, что химику присудили Нобелевскую премию. Инертные газы называют также благородными, и в связи с этим возникает вопрос: действительно ли все благородные инертны и все инертные благородны? Есть у них и третье название — редкие, хотя, если взять, к примеру, аргон (бесполезный), его содержание в воздухе весьма внушительно: один процент, что в двадцать-тридцать раз больше содержания углекислого газа, без которого ни о какой жизни на нашей планете и речи быть не могло.

То небольшое, что я знаю о своих предках, роднит их с этими газами. Не все они проявляли инертность, потому что не могли себе такого позволить; скорее наоборот, они были, должны были быть достаточно активными, чтобы зарабатывать на жизнь, да и общепринятые моральные устои утверждали: «Кто не работает, тот не ест». Но в глубине души они наверняка были инертны, потому что не проявляли тяги ни к отвлеченному умствованию, ни к едким словесным баталиям, ни к утонченным и бесплодным философским дискуссиям. И не случайно при каждом повороте судьбы, а их было немало, они сохраняли равновесие, исполненную достоинства сдержанность, добровольно (или вынужденно) держались в стороне от главного течения реки жизни. Благородные, инертные, редкие. По сравнению с историями известных еврейских общин Италии и Европы их история очень бедная. Судя по всему, они попали в Пьемонт около тысяча пятисотого года из Испании через Прованс, о чем свидетельствует топонимическое происхождение их фамилий: Бедарида от Бедарридес, Момильяно от Монтмельян, Сегре (приток реки Эбро, протекающей на северо-востоке Испании в провинции Лерида), Кавальон от Кавайон, Мильяу от Мийо; а название городка Лунель в дельте Роны между Монпелье и Нимом, переведенное на еврейский, легло в основу еврейско-пьемонтской «лунной» фамилии Ярак.

Возможно, по причине того, что в Турине их не приняли или приняли плохо, они осели в сельских районах южного Пьемонта, принеся с собой занятие шелководством, но даже в самые благоприятные периоды не выбивались из нужды. Никогда их особенно не любили, впрочем, как и не ненавидели, сведений о жестоких гонениях нет, хотя стена

подозрений, необъяснимой враждебности и насмешек на самом деле продолжала отделять их от остального населения даже спустя несколько десятилетий после эмансипации евреев в тысяча восемьсот сорок восьмом году и последовавшего за ней разрешения селиться в городах. Как рассказывал мой отец, чье детство прошло в городке Бене Ваджиенна, его ровесники после школы потешались над ним, правда беззлобно, помахивая зажатым в кулаке краем куртки и скандируя: «Свинные уши, ослиные уши евреи особенно любят кушать». Про уши — это была их собственная фантазия, зато сам жест кощунственно пародировал приветствие, каким обмениваются в синагоге набожные евреи, сменяя друг друга во время чтения Библии: каждый демонстрирует край своей молитвенной накидки с кистями, количество, длина и форма которых строго предписаны ритуалом и имеют религиозно-мистический смысл. Само собой разумеется, что дети, дразнившие отца, о происхождении этого жеста ничего не знали. Мимоходом замечу, что надругательство над молитвенными накидками столь же старо, как и антисемитизм: из этих накидок, отобранных у депортированных, эсэсовцы в лагере придумали шить кальсоны и распределять их потом среди узников-евреев.

Как обычно происходит, отторжение было взаимным. Меньшинство, в свою очередь, воздвигло оборонительный барьер против христианского большинства, называемого людом (*гуйим*)* или необрезанными (*нарелим*), и попыталось воспроизвести на провинциальной сцене с мирными буколическими декорациями библейскую эпопею об

* Еврейские слова в книге даются на пьемонтском диалекте. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

избранном народе. Из-за этой глубокой разобщенности наши дяди и тети — мудрые, пропахшие табаком бородатые патриархи и великие хранительницы домашнего очага, теряя присущее им чувство добродушного юмора, с гордостью говорили про себя: «Мы — народ Израиля».

Что касается самих слов «дядя» (*барба*) и «тетя» (*манья*)*, надо сразу сказать, что они имеют расширительное толкование: так мы называем всех родственников пожилого возраста, даже самых дальних, а поскольку все или почти все пожилые люди общины в далеком прошлом нам родня, то получается, что у нас огромное количество дядюшек и тетушек. Когда дяди и тети достигали преклонного возраста (а такое случалось сплошь и рядом, ведь мы долгожители, начиная с Ноя), атрибутивное *барба* и уважительное *манья* срасталось с именем, причем подчас уменьшительным, и благодаря необъяснимому фонетическому созвучию еврейского языка и пьемонтского диалекта постепенно стали возникать сложные и необычные именные конструкции, которые передавали из поколения в поколение память о наших далеких предках. Так появились Барбайоту (дядя Илия), Барбасакин (дядя Исаак), Маньяйета (тетя Мария), Барбамуйсин (дядя Моисей, который по легенде велел зубодеру вырвать ему два передних резца, чтобы крепче сжимать трубку), Барбаземлин (дядя Самуил), Маньявигая (тетя Абигайле, которая, торопясь из Карманьолы на свою свадьбу в Салуццо, верхом на белом муле переехала замерзшую реку По), Маньяфуринья (тетя Дцефора, по-еврейски — Циппора, что значит птица, заме-

* *Барба* (дядя) переводится как «борода», а *манья* (тетя) как «великая».

чательное имя). К еще более далеким временам следует отнести дедушку Сакоба, который, съездив в Англию за тканями, стал носить одежду «в клеточку», и его брата Барбапартина (до сих пор очень распространенное имя в память о первой эфемерной эмансипации, пожалованной евреям Наполеоном). Этот Барбапартин лишился права называться дядей, поскольку Господь, да будут благословенны его дела, послал ему такую невыносимую жену, что он, стараясь держаться от нее подальше, крестился, стал монахом и уехал миссионером в Китай.

Бабушка Бимба отличалась красотой, носила боа из страусовых перьев и была баронессой. Титул ей и ее семье пожаловал Наполеон за то, что они ссудили его деньгами, дали ему *манод*. Барбарунин был высокий, крепкий и придерживался радикальных взглядов. Он приехал в Турин из Фоссано и перепробовал много профессий. Его взяли в театр Кариньяно статистом для участия в «Доне Карлосе», и он написал своим родителям, чтобы те приезжали на премьеру. Дядя Натан и тетя Аллегра приехали, сели в ложу, и когда поднялся занавес и мать увидела своего сына вооруженным, как какого-нибудь филистимлянина, она закричала во весь голос: «Арон! Что ты делаешь! Сейчас же брось саблю!»

Барбамиклин был дурачком. В Акви к нему относились хорошо, помогали, чем могли, потому что дурачки — Божьи дети, и большой грех называть безобидного дурочка *рака**. Вместо этого его стали называть Пьянтабибини (сажалщик индюшек). Это случилось после того, как один безбожник, чтобы поиздеваться, убедил его, буд-

* Пустой человек (*иврит*).

то индюшек (*бибини*) сажают точно так же, как фруктовые деревья, закапывая в землю их перья, и потом они висят на ветках точно персики. Любопытно, что индюшки занимают важное место в шутовском семейном фольклоре. Возможно, потому, что эта хвастливая, неуклюжая холерическая птица, будучи по характеру антиподом моим предкам, только на то и годилась, чтобы служить посмешищем, но есть и более простое объяснение: на Пасху было принято готовить котлеты из индейки, это была почти традиция. Дядя Пачифико тоже выкармливал индюшку и очень к ней привязался. В доме напротив него жил синьор Латтес, музыкант. Индюшка своим квохтаньем мешала синьору Латтесу, и тот попросил дядю Пачифико ее утихомирить. Дядя ему ответил: «Ваше поручение будет исполнено. Синьора индюшка, замолчите!»

Дядя Габриеле был раввином, поэтому все называли его «дядя Наш Учитель» (Барба Морену). Будучи старым и почти слепым он шел пешком под палящим солнцем из Верцуоло в Салуццо. Мимо проезжала повозка, он остановил ее и попросил его подвезти. По дороге из разговора с возницей выяснилось, что повозка эта погребальная и везет на кладбище усопшую христианку. Скверное дело, ибо в Книге Иезекииля (44:25–26) сказано, что не должно священнику подходить к мертвому человеку, дабы не сделаться нечистым: «...только ради отца и матери, ради сына и дочери, брата и сестры, которая не была замужем, можно им сделать себя нечистыми. По очищении же такого еще семь дней надлежит отсчитать ему». Дядя Наш Учитель вскочил, как ужаленный, и закричал: «Я еду с мертвой! Возница, стой!»